

«Я с друзьями и выдающихся людей денег не беру...». Интересно, какие будущие художники создадут портреты Огрызки, Иванова, Дорошенко... И за сколько.

В заключение привожу одно из множества писем Светланы Сырневой, которая присоединилась к похвалам Вячеслава Лютото в честь Иванова-полковника, а заодно, как и многие наши поэтессы, пнула своим французским каблучком, конечно же, Переверзина. А кого же? Со мной она уже рассчиталась и сказала всё. Теперь ей понадобилась очередная жертва.

Светлана Сырнева

«Полностью присоединяюсь к очень взвешенному и мудрому комментарию Вячеслава Лютото и поддерживаю кандидатуру Николая Фёдоровича Иванова. Мы знаем его как хорошего писателя и человека чести, продолжателя лучших традиций союза.

Увы, Переверзин видится мне как Крошка Чахес современной словесности. У меня нет того увлечительного стекла, сквозь которое я могла бы рассмотреть его всевозможные достоинства. Неужели деньги затмили всё?! Станислав Юрьевич, опомнитесь, Вы же умный человек! Вы войдёте в историю литературы, — но лучше бы без Переверзина на шею».

Ст. К. Не могу оставить это письмо Светланы без ответа: «Знаешь, Светлана, Переверзин войдёт в историю литературы сам своей дорогой, на своё место, и не опираясь на мою шею. А вот вас с Надей Мирошниченко и ещё с несколькими, как писал Смеляков, "кошечками полусвета", мне, конечно, придётся тащить на своей шее в неведомое будущее всю оставшуюся жизнь — так много комплиментов вы мне раздали, что не отмыть от них мне свою шею... Сбрасывать вас — не сбросишь, цепляться своими коготками вы умеете.

Поклон вам от великодушного Ивана Переверзина. Он умеет, в отличие от меня, молча терпеть предательство. Жизнь научила. Что подтверждает вот это его стихотворение:

Чёрная соль

Не думал я... И — думать не хочу
о жизни, пролетевшей, словно ветер.
Теперь бы мне немного первачу,
да и уснуть, забыв о всём на свете.

А что ещё я предложить горазд
своей душе,
спалённой напрочь болью, —
ведь это время, если не предаст,
то раны мне посылет чёрной солью.

* * *

Итак, за четыре года с 1998-го по 2002-й, когда Юрий Кузнецов единолично царствовал в отделе поэзии журнала (такое условие он поставил мне, придя в «Наш современник»), он по своей воле, не советуясь со мной, четырежды опубликовал стихи Ивана Переверзина. И эти подборки были небывалые по объёму, чем я был доволен. Бывало, что журналу нужны были несколько дополнительных полос. Что сократить? Стихи проще всего, однако Юрий Поликарпович был неумолим. В сентябрьском номере журнала за 1998 год он напечатал подборку Переверзина, состоявшую из девяти стихотворений. В октябрьском номере 2000 года — из десяти... В августовском номере 2001 года — уже из одиннадцати. А в августовском номере 2002 года, что просто поразило меня, Юрий Поликарпович опубликовал (за год до своей смерти) аж 20 стихотворений «поэта-хозяйственника», как сейчас пытаются оскорбить Переверзина всяческие околотературные шавки.

Итак, в четырёх номерах журнала Юрий Поликарпович опубликовал 50 стихотворений ещё малоизвестного поэта, лишь недавно приехавшего из Якутии в Москву. Целая стихотворная книга! Таким количеством стихотворных публикаций в лучшем русском журнале не могли похвастаться многие широко известные и печатавшиеся в тот же отрезок времени поэты:

ни Виктор Боков, ни Фёдор Сухов, ни Николай Тряпкин, ни Виктор Кочетков, ни Глеб Горбовский, ни Владимир Костров, ни Ольга Фокина, ни даже вместе взятые Шерочка с Машерочкой, то есть Светлана Сырнева и Надюша Мирошниченко.

А если какой-нибудь огрызок или дорошенок нагло заявит, что Юрий Поликарпович печатал Переверзина в журнале за деньги, что тот «купил» его, то я первый плюну в его лживые глаза.

Хорошо помню, как я зашёл в кабинет к Кузнецову, который отбирал из толстой пачки стихотворений у Переверзина, сидевшего рядом, подборку для «Нашего современника». Поликарпыч внимательно читал стихи одно за другим и откладывал в тоненькую стопку от себя вправо. Что не годилось для журнала, откладывал влево. Правая стопка росла медленно — левая быстрее. Когда работа была закончена, Кузнецов потряс тоненькой пачкой, где было не более десятка стихотворений, и сказал: «Это я беру! А это! — тут он взял стопку из тридцати-сорока стихотворений, — неси в "Юность"... Это означало, что стихи достойны печати, но не в «Нашем современнике».

VIII. Печальный эпилог

Наш 15-й писательский съезд, состоявшийся 15 февраля, через 2-3 дня после окончания подвёл итоги. Вся писательская власть на всех уровнях была выбрана. Довольные праздновали победу, недовольные негодовали, но, тем не менее, что свершилось — то свершилось. Новому секретариату Союза писателей России надо было начинать работу.

Но тут случилось неожиданное и горестное событие. 27 февраля на сайте московской мэрии появилось сообщение, что умерла известнейшая русская поэтесса и общественный деятель Лариса Васильева. Вклад её в современную русскую литературу весьма значителен. В первую очередь, конечно же, её стихотворения и поэмы, которые в своё время так разгневали коммунистического партийного расстригу Александра Яковлева (будущего архитектора перестройки) с его многочисленными клеветами, что вся эта свора заклеяла как «русских националистов» и «славянофилов» саму Ларису Николаевну, Валентина Сорокина, Валентина Сидорова, Виктора Бокова, Феликса Чуева вместе с русскими критиками-мыслителями — Михаилом Лобановым, Виктором Чалмаевым, Сергеем Семановым, Анатолием Ланчиковым, Олегом Михайловым, Вадимом Кожинным. А ведь это был цвет русской мысли в то переломное время, оборванный руками русофобов.

Но заставить замолчать и уйти из общественной жизни Ларису Васильеву выродку-русофобу не удалось, потому что она была дочерью одного из тех конструкторов и организаторов танкового производства на Урале, которые создали знаменитую «тридцатьчетвёрку», во многом обеспечившую нам победу в войне. И Лариса Николаевна в их честь и, конечно, в честь своего отца Николая Кучеренко, о котором написала «Книгу об отце», совершила подвиг, создав в подмосковной деревне Марфино Мытищинского района музейный мемориальный комплекс «История танка Т-34».

А сколько книг написала она своей женской рукой об истории отечества: «Жёны русской короны», «Жена и муза. Тайна Александра Пушкина», «Кремлёвские жёны», «Дети Кремля» — что ни книга, то успех, победа, вклад в отечественную культуру. Последняя из них, которую она мне подарила, — это «Путешествие друзей с врагами» — книга о шестидесятниках (2015 г.) А если всё подытоживать, то рукою этой красивой и хрупкой женщины, начиная с 70-х годов, написано несколько десятков книг разных жанров, многие из которых достойны любой премии и долгой жизни.

И вот она умерла 27 февраля сего года. Когда и где, на каком кладбище и в какое время состоится её похороны, никто из нас не знал. Новое руководство Союза писате-

лей, которое было обязано и по службе, и по дружбе, и по нашим внутриписательским обычаям сделать всё, чтобы друзья и подруги Ларисы попрощались с нею, чтобы её ровесники пришли на кладбище, как будто ушло в подполье. В 12 часов дня 2 марта мне позвонил мой друг Альберт Лиханов и сообщил, что через час начнётся прощание с Ларисой на Троекуровском кладбище. В это время, спасая остатки своего зрения, я принимал процедуры в офтальмологической клинике на другом конце Москвы, процедуры нельзя было прервать, да и, конечно, я в любом случае не успевал на кладбище, разве что на вертолёт. Тогда я сразу же позвонил Ганичеву. Его дочь ответила мне, что отец плохо себя чувствует. А на мой вопрос, где нынешний председатель правления СП России Н.Иванов и его заместитель С.Котьяло, ответила, что они на гражданской панихиде быть не могут, потому что уезжают на встречу с митрополитом Климентом, руководителем издательского совета Патриархии. Я, опешивший от такого поворота событий, закричал, что с митрополитом можно встретиться ещё десятки раз, а с Ларисой Николаевной — это последняя встреча! Но Марина Ганичева меня уже не слышала — на том конце связи её телефон уже молчал. Тогда из того же офтальмологического кабинета я позвонил Лиханову и, узнав, что он подъезжает к кладбищу, попросил его: «Алик, слава Богу, что хоть ты спасёшь Союз писателей от позора. Если там их не будет — скажи, что она была любимым автором журнала "Наш современник", — возьми временно обязанности нового председателя СП России на себя, попрощайся с ней по-человечески от имени всех писателей».

Вскоре Альберт позвонил мне в клинику и успокоил, сказав, что всё прошло достойно, что на прощание с Васильевой пришли не только сотрудницы её музея, но и немало женщин из отдела культуры московской мэрии. Но из писателей он никого не видел. А напоследок добавил: «Знаешь, Стасик, откуда я сегодня утром узнал о месте и времени её похорон? Мне утром часов в 11 об этом сообщил из Улан-Удэ Сергей Шаргунов...».

Слава Богу, хоть наш кандидат в председатели союза сделал всё, что мог, и что благодаря ему можно поздравить новое руководство Союза писателей с началом общественно-трудовой деятельности...

А может, слишком они надорвались на съезде. Отдыхают...

— А венок от писателей был?

— Нет, я его не видел, — печально ответил мне Алик Лиханов.

* * *

Если судить по отзывам на наш мировоззренческий спор о современной поэзии, то имена, определяющие её развитие и состояние, будут не те, которыми мы жили несколько последних десятилетий. Это будут не Юрий Кузнецов, не Николай Рубцов, не Анатолий Передерев, не Виктор Лапшин, не Михаил Вишняков, не Глеб Горбовский, не Александр Кушнер, не Николай Дмитриев, не Михаил Анищенко, а беспрестанно поучающие нас со страниц дорошенковского сайта Сэда Вермишева, Григорий Блехман, Валентина Коростелёва, Владимир Подлужский, Нина Волченкова, Ирина Барышева и т.д. Сюда же со своей оценкой нынешней литературы затесались Татьяна Набатникова, Алла Линёва, Светлана Курач и Ерофеева-Тверская.

Вот кто теперь формирует наши общественные вкусы, куда до них всяческим Кожинным, Золотусским, Львам Аннинским и прочим, говоря словами Саши Боброва, «старцам». И печататься этим новым создателям интернетно-поэтической помойки надо не в износившемся от времени «Нашем современнике», а на дорошенковском сайте, отныне главным идеологическим и художественным органе писателей России.

* * *

После окончания съезда Николай Иванов произнёс и распечатал благодарствен-

ное слово всем своим соратникам, участвовавшим 15 февраля в победительном голосовании.

Его обращение к ним звучало торжественно и высокопарно: «отдавать последние патроны товарищу», «проиграв, Вы могли бы лишиться многого», «мы провели свою съездскую партию, как по нотам», «остались верны Бондареву, Распутину, Белову, Шукшину»...

А вот тут поумерим с восторгами: «оставаться верными Бондареву, Распутину, Белову, Шукшину» можно лишь создавая произведения, равноценные «Горячему снегу», «Прощанию с Матёрой», «Привычному делу», «Калине красной», а в активе наших победителей были лишь статьи, правда ставшие скандально известными, написанные ловкими ручонками Дорошенко, Огрызко, Боброва и прочих делегатов съезда.

«После голосования некоторые гости съезда, — заявил победивший полковник, — вкрадчиво спросили: ты знаешь цену этой победы?», на что победитель ответил: «Знаю».

Конечно же, сведущий человек, он знал, что победа пришла благодаря потокам хамства и лжи, вылитым на всех несогласных со страниц «Российского писателя», «Советской России», «Литературной России» и множества всяческих сайтов, что победа пришла при помощи слов о «кумовстве», брошенных в переполненный зал, забывший, что кумовство в руководстве Союза писателей процветает с 1994 года, и что, проголосовав сегодня за «партию победителей», они своими голосами продлят власть этого заматерелого кумовства ещё на 5 лет, что победа не могла быть одержана без незаконного изменения квот на избрание делегатов, получивших право голоса, что победа пришла в результате явного отстранения от реального участия на съезде многих писателей старшего поколения. Молодцы, Троцкий тоже делал ставку на молодёжь. Эта победа была похожа на принятие конституции 1993 года, о чём сказал один из тогдашних победителей Бурбулис: «Мы эту конституцию через ж..у, но протаскивали...»

P.S.

6 марта сего года состоялось заседание нового (а на деле того же самого) секретариата Союза писателей России, на котором было принято небывалое в писательской жизни решение: «За утрату доверия приостановить членство в институте сопредседателей Переверзина Ивана Ивановича и Середина Владимира Григорьевича.

Поставить вопрос об исключении Переверзина И.И. и Середина В.Г. из института сопредседателей на ближайшем заседании правления (плenum) СП России».

Ну что на это сказать. Разве то, что Иванов сразу же расписался в непонимании того, что иметь дело с писателями — это не то что с полицейским налоговиками.

До сих пор вершиной бюрократического словоблудия было освобождение от должности «за утрату доверия» московского мэра Лужкова, уволенного с выборной должности премьером Медведевым. Теперь этот бюрократический перл принят на вооружение полковником Ивановым. После этого я могу опереться на опыт премьера и полковника и заявить от себя, что нынешнее руководство Союза писателей России за безобразное проведение нашего съезда в моих глазах «утратило всякое доверие» к себе. С такого рода руководителями я не могу состоять и заседать рядом ни в одном из органов съезда. Поэтому слагаю с себя почётную должность сопредседателя, а также выхожу из состава правления СП России, куда меня включили, не получив на то моего согласия.

С победой вас, дорогие товарищи «комсомольцы!»